

В.Н.ЗОЦЕНКО

ВИЗАНТИЙСКАЯ МОНЕТА В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Анализируется вопрос о формировании монетного обращения на территории Южной Руси в IX–XIII вв. и роль византийской монеты в этом процессе.

Одной из составляющих монетное обращение средневековой Восточной Европы совершенно определенно выступал чекан Византийской империи. В историографии до сих пор не утвердилось единое мнение о роли византийской монеты в европейском обращении. На том основании, что количество обнаруженной монеты империи уступает находкам арабского дирхема, в литературе нередко лишь регистрируется ее наличие, а иногда и вовсе отрицается функционирование этой монеты как средства обмена¹.

Отдельные авторы признают участником европейского обращения только солиды и номисмы, считая византийскую золотую монету наравне с дирхемом — "долларом средневековья"². И.Г.Спасский видит в византийской монете образец для собственной древнерусской чеканки, которая, однако, экономически была связана "с длительным периодом обращения восточной монеты на Руси"³.

Большое значение для осмысления участия византийских монет в восточноевропейском обращении имела публикация сводной томо-

графии их находок на территории СССР. Сопоставление византийского чекана с остальным нумизматическим материалом средневековья Восточной Европы позволило автору свода продемонстрировать удельный вес византийских монет в монетном обращении Руси⁴.

На территории Среднего Поднепровья между Вышгородом и городищем Княжья гора, Нежином и городищем у с.Городище Шепетовского района Хмельницкой области в настоящее время найдено более 150 экземпляров византийских монет, из которых более 100 происходят из Киева⁵. Проникновение этих монет на указанную территорию отмечается с начала VI в. (почти на два столетия ранее дирхемов). Постоянно же возобновляющееся их наличие в монетном обращении данного региона удерживалось вплоть до конца XII — начала XIII в. По характеру функционирования монет империи на территории Полянского союза — Руси в рамках шести столетий можно выделить три периода. Критерии периодизации бытования византийских монет в системе обращения Среднего Поднепровья обусловлены неравнозначностью конкретно-исторической ситуации в начальной и конечной точках их обращения.

Начальный период проникновения византийской монеты в Киев и его периферию охватывает с VI по VIII в. В Киевском Поднепровье обнаружено 15 монет выделяемого периода. Династически чекан представлен монетами Анастасия I (498—515), Юстиниана I (527—562), Маврикия Тиверия (582—602), Ираклия (610—641), возможно, Константа II (официально Константин III — 642—668) и одного из Исавров — Льва III (717—741) или Константина V Копранима (741—775). По номиналам это в основном фоллисы, хотя в двух случаях встречены солид (с.Жаботин Каменского района Черкасской области) и гексограмма (Киев). По обстоятельствам находок все монеты первого периода из Киевского Поднепровья относятся к единичным.

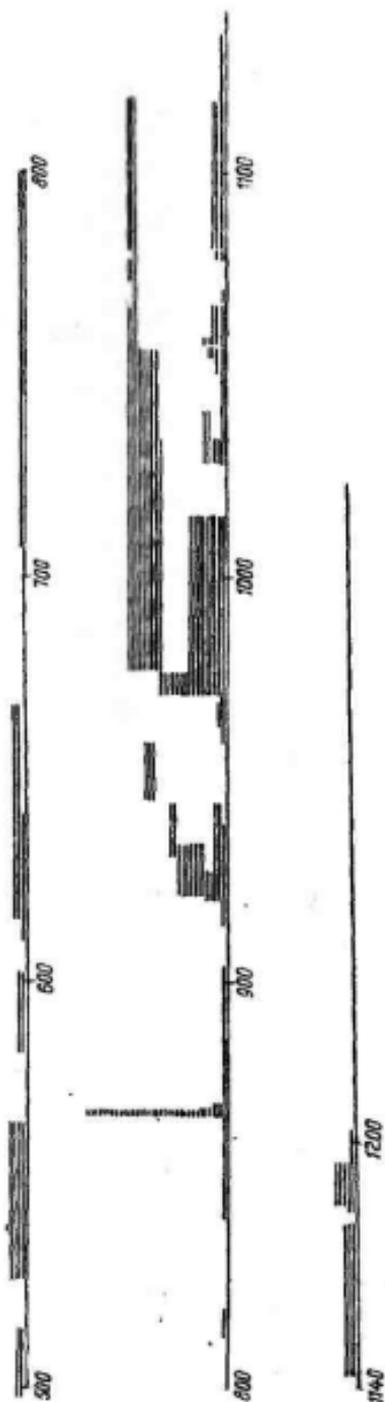
Динамика поступления в Среднее Поднепровье ранневизантийских монет отличается дискретностью (рисунок). Компактный массив составляет лишь чекан Юстиниана I, к которому примыкают две киевские и одна Бучакская (Каневский район) находки фоллисов Анастасия, а также два фоллиса Маврикия Тиверия. Три монеты относились к VII в., причем только одна из них имела удовлетворительную атрибуцию — солид Ираклия, превращенный в подвеску (с.Жаботин). Две другие — гексограмма из Киева и фоллис из Григоровки (Каневский район Черкасской области) неудовлетворительной сохранности. Но по изображениям императорского бюста на аверсе эти монеты могут быть отнесены к чеканке Ираклия после 615 г. или Константа II.

Крайне редким для Восточной Европы является оставшийся неопределенным фоллис VIII в., найденный в завале жилища XII — начала XIII в., исследованного на территории бывшего Михайловского монастыря в Киеве (1949). Обстоятельства находки данной монеты не должны нас смущать. М.К.Каргер отмечал, что монета не связана

со слоем существования жилища⁶. К тому же следует учитывать, что в условиях Верхнего города, интенсивно застраиваемого на протяжении XI—XX вв., культурный слой даже X в. неудовлетворительной сохранности, хотя именно в этом районе древнего Киева обнаружено большинство вещей третьей четверти I тыс. н.э.⁷ Поэтому принадлежность монеты к современной ей, но не сохранившемуся культурному слою, более вероятна, чем ее попадание в Киев во время существования жилища, на месте которого она найдена.

Бронзовые монеты VIII в., помимо Киева, встречены в окрестностях Херсонеса и на Тамани⁸. Учитывая, что из 29 экземпляров византийских монет VIII в., обнаруженных на территории Восточной Европы, 22 принадлежали сирийской династии Исавров, главным образом чеканке Льва III и Константина V (741—775), можно предположить такую же регалию и киевского фоллиса⁹.

В науке установилось мнение, что византийские импорты VI—VIII вв., в том числе и монетный металл, проникали в глубь Восточной Европы благодаря военным действиям славян против империи. Причем В.В.Кропоткин даже склонен исключить славянское участие в перемещении в Восточную Европу имперских импортов, оставляя приоритет в этих связях военным предприятиям кочевых племен¹⁰. Такой взгляд на процесс накопления византийского импорта и монет в лесостепной полосе Восточной Европы предполагает перемещение явлений обогащения родоплеменной

Гистограмма распределения византийских монет в Среднем Подлесье

верхушки передовых отрядов полиэтнической людской массы, непосредственно участвующей в разбросе периферийных областей Византии на все славянское население.

Во-первых, эти импорты весьма разнообразны по составу: от амфор до бронзовых монет. Роскошь в металле занимает отнюдь не ведущее место.

Во-вторых, сосредоточение импортов в основном на городищах и поселениях раннегородского типа (Киев, Пастырское, Зимное), но не в виде сокровищ. Украшения же из кладов Поросья и Киевского Поднепровья обладали чертами, характерными для общеевропейского и евроазиатского убора или были изготовлены местными полянскими мастерами¹¹. К тому же на славянских памятниках Среднего Поднепровья VI–VII вв. встречаются не только изделия Византии, но и Европейского Северо-Запада.

В-третьих, характерное расположение на границе лесостепи и степи и в самой степи Левобережья Днепра кочевнических памятников не предполагает широкого внедрения номадов в Днепровскую Лесостепь (единственное богатое погребение кочевнического типа на Правобережье — Глодосы обнаружено на границе со степью). Различия в составе импортов и их хронологии на кочевнических и поселенческих памятниках Среднего Днепра также не дают оснований для утверждения о наличии посредничества кочевников в поляно-византийских контактах эпохи Юстиниана.

Действительно, в кочевнических погребениях находят золотые монеты империи и драгоценную утварь. К тому же эти памятники вместе с лагерями (Вознесенка, Канцеровка) возникают не ранее второй половины — конца VII в. (археомангнитная дата — рубсж VI–VII в. для канцеровских горнов, предложенная А.Т.Смиленко, во многом удревлена, так как в них обжигалась керамика салтово-маяцкого облика середины VIII–IX в.)¹².

Таким образом, находимый в Среднем Поднепровье византийский импорт и монеты империи VI — середины VII в. нельзя рассматривать как кочевнические трофеи, занесенные в места их обнаружения.

С другой стороны, исторические источники дают полное право утверждать о существовании товарного обмена между антами и склавинами в период широкой колонизации славянами Подунавья и Балканского п-ова. В истории об анте Хильбудии, описывающей события 40-х годов VI в., Прокопий сообщает, что до того как стать самозванцем, Хильбудий-ант находился в рабстве у склавинов и был выкуплен своим соплеменником, но не из сострадания, а с целью перепродажи. Этот акт купли-продажи между славянскими союзами был осуществлен с помощью денег¹³.

Надо думать, что византийский вещевой импорт и монеты VI–VII вв. из Среднего Поднепровья являются свидетельствами пока еще не регулярных, но товарно-обменных связей восточнославянского

мира с империей, потребность в которых все более ощущалась формирующимися у славян институтами социального неравенства. Начавшееся же в конце V в. массовое наступление славян на северные рубежи империи лишь создавало благоприятные условия для оживленных межплеменных и межэтнических контактов. Заключительный этап великого переселения народов создал условия для освоения полянами северной границы Правобережной Лесостепи с расположенными в центре, между конечными пунктами данного передвижения, Киевскими высотами. Объединенные единой фискально-административной функцией под эгидой полянской династии, они начиная с VI в. все более приобретали черты крупного межплеменного политико-экономического центра на границе племенных группировок восточных славян Лесостепной и Полесской зон.

Дальнейшее распространение к северу и западу от Среднего Поднепровья византийской монеты VI–VII вв. совершенно определенно освещает направленность историко-экономических связей в этой части Восточной Европы. Из 11 найденных византийских монет указанного времени вне пределов Среднего Поднепровья и Верхнего Поднестровья 8 приходится на Юго-Восточную Прибалтику, 2 – на Припятско-Бутское Полесье, 1 – в области прибалтийских финно-угров, осваиваемой кривичами (регион культуры длинных курганов): Энгуре (Курземе) – солид 491–518 гг., Кранес Расас (Видземе) – фоллис 539–540 гг., бывший Брайтенштайн (Нижний Неман) – фоллис 641–668 гг., бывший Шарлоттенберг (Самбия) – фоллис 641–668 гг., бывший Грунникен (Мазурское Поозерье) – 2 милиарисия 641–668 гг. из одного погребения, бывшее Нойе-Бодшвиккен (Мазурское Поозерье) – милиарисий 641–668 гг., бывший Хаммерсдорф (Верхняя Прегель) – солид 641–668 гг., Пинск – фоллис 569–668 гг., Зимное – фоллис VI–VII вв., Псков – 615–629 гг.¹⁴.

Приведенная топография указывает на движение ранневизантийской монеты со Среднего Поднепровья по Днепро-Неманской (Пинск – Неманский район Калининградской области – Калининград) и Днепро-Вислянской (Зимное – Мазурское Поозерье) системах путей сообщений. Скорее всего куршские и латгало-ливские находки монет обязаны также транзиту через Нижнее Понеманье. О связи прибалтийских находок с бытовавшим в Поднепровье византийским монетным металлом свидетельствует не только близость династических показателей (чекан Анастасия I, Юстиниана I, Ираклия и Константа II), но и номинальная принадлежность (преобладание фоллиса) монет в обоих регионах, а также на путях между ними.

По обстоятельствам обнаружения и номинальной стоимости в ранневизантийской монете с очерченной территории, естественно, нельзя видеть сокровище. Однако происходящие из четко очерченных районов расселения восточнославянских и балтийских племенных группировок эти монеты нельзя признать случайными. Распространению здесь ви-

зантийской монеты третьей четверти I тыс. н.э. способствовали социально-экономические закономерности, в основе которых лежали реалии исторического процесса.

География восточноевропейских находок ранневизантийских монет показывает их сосредоточение на территориях с заметными сдвигами по пути классообразования и создания раннегосударственных институтов, которые в силу перемещения населения оказывались связанными между собой различными уровнями историко-экономических контактов. Из регионов с повышенными темпами социально-экономического развития выпадает только единственное местонахождение фоллиса в зоне кривичского расселения.

Учитывая, что полянский и дулебский союзы восточнославянских племен самого начала очерченного хронологического отрезка активно контактировали с византийским обществом (Северное Причерноморье, Нижнее Подунавье, Балканский п-ов) и так как к этому времени у восточных славян и населения Юго-Восточной Прибалтики уже обособилось ремесленное производство, что привело к обмену, можно без особых натяжек усматривать в данных монетах результат межплеменного и меэтнического обмена. "Переход от простого обмена товаров к обмену с помощью денег вовсе не относится к специфическим экономическим явлениям феодализма. Уже на самых ранних ступенях своей истории феодализм и на Западе и на Востоке опирается на унаследованные от прошлого денежные системы"¹⁵.

Однако появление монеты одновременно с обменом, естественно, не означало, что славяне Среднего Поднепровья, Верхнего Поднестровья и Вольны вместе с балтскими и финно-угорскими племенами Юго-Восточной Прибалтики в полной мере усвоили ее существенные функции. Население Восточной Европы в третьей четверти I тыс. н.э., исключая Причерноморье, Закавказье и Прикаспий, еще не могло осознать номинальной стоимости проникавшей к ним монеты, ее функции как средства обращения. Монета воспринималась только со стороны ее потребительской стоимости, как слиток металла.

Денежный оборот этого времени на большей части Восточной Европы может быть сравним с натуральным товарообменом металлическими слитками с той разницей, что последние принимались не по весу, а по счету, ввиду перенятия практики употребления монеты — устоявшегося по весовой норме слитка металла. Хотя, вероятно, существовала практика приема цветных металлов и по весу. Один из киевских фоллисов Юстиниана I (537 г., Константинополь) обнаружен на Подоле вместе с "1/4 гривны новгородского типа с греческими буквами"¹⁶.

Способ употребления монеты по ее потребительской стоимости был всеобщей историческим явлением начальных этапов денежного обращения. Суть этого явления раскрыл Адам Смит, предполагавший, что деньги — "такой же предмет обихода, как и кухонная посуда"¹⁷. Прекрасно демонстрирует этот феномен феодализирующаяся экономика

Египта IV–V вв., где, по словам Э.Кондураки, "монеты, прежняя ценность которых была забыта, продолжали быть в обращении на правах обыкновенных фишек"¹⁸. По мере расширения межплеменных контактов монетарный обмен "фишками" постепенно приобретает функцию межэтнического "мирового" средства оборота. Последнее в Восточной Европе проявилось уже с начала поступления сюда арабского дирхема.

Следующий период функционирования византийской монеты в Среднем Поднепровье качественно отличен от рассмотренного, хотя и обусловлен им. Он связан с началом реального монетного обращения на территории Восточной Европы. Параллельное обращение византийских и арабских монет в Среднем Поднепровье отмечается с 70-годов IX в. Выделяемый период можно датировать в пределах одного столетия – до 60-х годов X в., когда прекращается приток в Южную Русь арабского монетного серебра.

В Киевском Поднепровье к настоящему времени зарегистрировано 64 византийские монеты, относящиеся к указанному периоду. Большинство монет составляют фоллисы – 56 экз., номисмы – 6 и милиарисии – 2. Из этих монет лишь одна была чеканена в начале IX в. – фоллис Льва V (813–820), обнаруженный в Нежине; один из фоллисов чеканен при Михаиле III Пьянице (842–867); 36 монет относились ко времени Василия I (867–886); две монеты выпущены при Льве VI Философе и его брате Александре (между 886–904 гг.); чеканка Константина VII Парфирородного со своими соправителями представлена 17 монетами, выпущенными между 914 и 959 гг. Заключительную фазу периода представляют фоллис Романа II (959–963); фоллис и номисма Никифора II Фоки (963–969); 42 монеты происходили из четырех кладов, обнаруженных в Киеве (три комплекса) и с.Гладовичи Овручского района Житомирской области; 5 – из четырех погребений киевских некрополей (94, 121, 122, 124 по нумерации М.К.Каргера); 2 – из культурного слоя Киево-Подолы. Происхождение остальных не выяснено.

Основная масса монет с датой, укладывающейся в выделяемый период, исходя из составов комплексов, попали в Киев и его Землю в сравнительно короткий отрезок времени после их выпуска. В накоплении клада 1908 г. с Замковой горы в Киеве, состоящего из 37 фоллисов херсонской (корсуньской) чеканки, выделяются три хронологических массива. Основу клада составили монеты, поступившие в 70-е годы IX в., чеканенные между 867–870 гг. (30 экз.). Заметное место в этом кладе занимают монеты 921–934 гг. – 5 экз. Младшие монеты комплекса представлены фоллисами 959–963 и 963–969 гг.

Исходя из того, что между старшей монетой (фоллис Константина VII, чеканенный между 29/I–6/IV – 945 г.) и монетами, составляющими доминанту накопления клада бронзовых византийских монет, найденного в Киеве на Лукьяновке (1939 г.), существовал промежуток

в четверть — сто лет, можно предположить, что указанный фоллис попал в Поднепровье вскоре после чеканки, тем более что в Киеве найдены еще два таких фоллиса. Первый из них (обрезанный) обнаружен в погребении № 94, датированном по инвентарю не позже середины X в.¹⁹ Второй обнаружен при раскопках хозяйственной постройки усадьбы на Красной площади. Постройка по дендрохронологическому анализу датируется 975 г.²⁰

До сооружения Десятинной церкви попала в Киев субэратная номисма Василия I и Константина (867—870), найденная в погребении № 122, открытом под центральной апсидой храма. По фибуле в "терслев-стиле" весь комплекс можно датировать концом IX — первой половиной X в. О недолгом обращении данной монеты свидетельствуют и ее более чем удовлетворительная сохранность²¹. Концом IX — первой половиной X в. следует датировать и трупосожжение № 121, где помимо фоллиса 886 г. находились кости и рог тура, бронзовая литая пуговица-бубенчик и наконечник стрелы²². Скорее всего к середине X в. следует отнести поступление в Киев двух милиарисиев 931—944 гг., происходящих из погребения № 124, куда входила и пара скорлупообразных фибул 51 типа (по Я.Петерсену), редко встречаемых в комплексах позже 950 г.²³ Между 972—975 гг. (дендродаты) утерян фоллис 921—934 гг. из третьего горизонта усадьбы на Красной площади (исследования 1972 г.)²⁴.

Что же касается номисмы 963—969 гг. из клада 1899 г., обнаруженного в Киеве на Липках, то по хронологии доминанты состава (976—1034 гг. — 10 из 16 монет и 6 монет позже 1034 г.) вполне вероятно ее попадание к месту тезоврации вместе с монетным золотом Иоанна Цимисхия или Василия II.

Последний период обращения византийской монеты в Среднем Поднепровье связан с ее самостоятельным бытованием после прекращения поступления восточных монет. Хронологию выделяемого периода можно определить с конца 60 — начала 70-х годов X в. до начала XIII в. В Киевской земле обнаружено 73 византийские монеты с датами чеканки этого времени. В конце X — первой половине XI в., как отмечалось, могла поступить номисма Никифора II Фоки из киевского клада 1899 г. Вместе с номисмами этого клада поступил и динар малагского правителя Яахьи I ал-Мутали (1033—1034 гг. чеканки). Наличие данной монеты в кладах связывает ее с обращением византийского монетного золота. Таким образом, численность монет данного периода, поступивших в Среднее Поднепровье, может быть определена 75 экз. По номиналам преобладают фоллисы — 44 экз.; номисмы — 28 экз. и один малагский динар; милиарисии представлены одним экз.

Большинство монет найдено в Киеве — 58 экз., 46 монет входило в состав 7 кладов: 5 комплексов — Киев, по одному — с Княжей и Девич гор (г. Канев и с.Сахновка Черкасской области). Три киевских клада содержали лишь фоллисы; клад с Девич горы, помимо двух

номисм, — золотой слиток весом 20 г и 8 гривен "киевского типа". Остальные клады — денежно-вещевые сокровища, монетная часть которых состояла из номисм.

Один из кладов бронзовых монет, найденный на Подоле в 1888 г. (бывшая усадьба Иванишева, современная ул. Героев Триполья), содержал 9 анонимных фоллисов, обычно приписываемых чекану Иоанна Цимисхия (969–976). Однако не исключена возможность, что эти монеты могли относиться и к чекану иных императоров. Анонимные бронзовые монеты в Империи чеканились с 971 по 1118 г. За это время было осуществлено 12 выпусков анонимов, различающихся штемпелями²⁵.

Следующий клад фоллисов (1939 г., Лукьяновка), как отмечалось выше, начал накапливаться еще в предыдущем периоде (монета 945 г.). Затем идут две монеты, которые могли быть выпущены в промежутке от начала чеканки анонимных фоллисов до конца правления Романа III (971–1034). Заключительную фазу накопления комплекса составляют три монеты Феодоры (1055–1056), Исаака I Комнина (1057–1059) и Константина X (1059–1067).

Клад 1899 г. (Липки, бывшая усадьба Бродского, современная ул. Розы Люксембург) также накапливался в три этапа. Раннюю группу составляют номисмы Никифора Фоки (963–969) — 1 экз. и Василия II с Константином VIII (976–1025) — 7 экз. Номисмы Романа III (1028–1034) составляют 2 экз. К этой же группе следует отнести дитар 1033/34 г. Младшие монеты клада: номисма Константина IX Мономаха, чеканенная после смерти Зои в 1050–1055 гг., а также 4 номисмы Исаака I Комнина (1057–1059). Кроме монет, в кладе имелись два золотых слитка весом 143,264 (конец обрублен) и 47,37 г и три золотых браслета.

В клад 1889 г. (бывшая усадьба Гребеновского, современный пер. Рыльского), помимо ювелирных украшений, входили две номисмы Алексея Комнина — 1081–1118 гг. и Исаака II Комнина 1118–1134 гг.

Последний киевский клад, состоящий из сифатных фоллисов, обнаружен не позднее 1986 г. Обстоятельства находки остались невыясненными, монеты попали в руки коллекционеров. Через сотрудника Института археологии АН УССР А. Сыромятникова стало известно о 10 монетах: Мануила I Комнина, 1143–1180 гг. — 2 экз.; Андроника I Комнина, 1183–1185 гг. — 2 экз.; Исаака II Ангела, 1185–1195 гг. — 5 экз.; Алексея III Ангела, 1195–1203 гг. — 1 экз. Все монеты Константинопольской чеканки.

В клад 1887 г. с Княжей Горы вместе с ювелирными изделиями входили две номисмы Никифора III Вотаниата, 1078–1081 гг. Монетная часть клада с Девич горы (1900) представлена двумя номисмами XII в.: одна — Мануила I Комнина, 1143–1180 гг.; вторая не определена.

В культурном слое, современном датам чеканки монет третьего периода, найдено 10 монет: фоллис Исаака I Комнина, 1057–1059 гг. — раскопки 1974 г. по ул. Волошской, № 17 в Киеве; фоллисы Константина X Дуки, 1059–1067 гг. — раскопки 1937 г. в Вышгороде и 1973 г. в Киеве на Житнем рынке; фоллис Романа IV Диогена, 1067–1070 гг. — раскопки 1937 г. в Вышгороде; фоллисы Алексея I Комнина, 1081–1118 гг. — раскопки 1939 г. на территории Михайловского монастыря в Киеве; раскопки 1950 г. по ул. Волошской, № 22; анонимные фоллисы 971–1118 гг. — 3 экз., раскопки на территории Десятинной церкви в 1908–1913 гг.; сифатный фоллис очень плохой сохранности конца XII — начала XIII в., обнаруженный при раскопках 1957 г. на городище у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области; одна монета обнаружена в курганном погребении с конем в Яблуновском могильнике (Белоцерковский район Киевской области) — половина номисмы XII в. Остальные монеты выделяемого периода относились к категории случайных единичных находок.

Выявленные в Среднем Поднепровье византийские монеты IX–XIII вв. делятся на семь хронологических блоков, соответствующих периодам активизации историко-экономических связей Киева с Византийской империей:

813–820 гг. — 1 фоллис; 867–904 — 39 (38 фоллисов, 1 номисма); 914–969 — 23 (18 фоллисов, 3 номисмы, 2 милиарисия); 969–1034 — 36 (20 фоллисов, 14 номисм, 1 динар, 1 милиарисий); 1042–1071 — 17 (9 фоллисов, 8 номисм); 1078–1185 — 15 (8 фоллисов, 7 номисм); 1183–1203 гг. — 10 фоллисов.

В материале, представляющем второй период функционирования византийских монет в Среднем Поднепровье, практически отсутствуют монеты первой половины IX в. Но на третью — начало последней трети этого столетия приходится 39 монет, что многим больше, чем количество всех византийских монет IX в., обнаруженных на европейской территории СССР. По данным В.В. Кротопкина, здесь зарегистрировано 21 экз. данной чеканки. На территории Руси византийские монеты IX в. сосредоточены в основном в Среднем Поднепровье. С остальных регионов их известно всего 10: Тернополь — номисма 792–802 гг.; Гнездово — номисма 829–842 гг., фоллис 867–886 гг., милиарисий 869–879 гг.; "Черная могила" — две номисмы 842–867 гг.; Шестовицы — два фоллиса 886–912 гг.; Хитровка — милиарисий 842–867 гг. в составе клада дирхемов конца IX в. Причем монеты из могильников Чернигова, Шестовиц и Гнездова находились в комплексах X в.

Исчезновению в Среднем Поднепровье византийских монет первой половины IX в. предшествовало сокращение их поступления сюда в последней трети VII — на протяжении VIII в. Из находок чеканки указанного периода можно назвать лишь неопределенный фоллис VIII в. из Киева и бронзовую монету 813–820 гг. из Нежина. Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах Восточной Европы, вплоть

до Балтики. На этом основании В.В.Кропоткин заключает, что в VIII–IX вв. "экономические связи Византии с Восточной Европой и Закавказьем почти полностью прекратились"²⁶.

Приведенный материал, однако, вносит существенные коррективы в рассуждения В.В.Кропоткина. В Среднее Поднепровье византийские монеты не проникали только в первой половине IX в. При количественном сравнении монетных находок второго периода с предыдущим этапом выясняется, что только чекан IX в. свидетельствует о возрастании массы поступающих сюда монет империи – 40 против 15 экз. Следовательно, сократившиеся в последней трети VII – середине IX в. русско-византийские связи во второй половине IX в. развивались в большей, чем прежде, интенсивностью. Что же касается малочисленности монет VIII – первой половины IX в. в Херсоне (Корсуне), то это объясняется прекращением деятельности монетного двора в городе при Ираклии (610–641) и последующим в 710 г. разорением Херсона Юстинианом II. Но уже во второй половине VIII в Херсон возобновляет свою чеканку не прерывающуюся и в первой трети – середине IX в.²⁷

Сокращение притока монет империи в IX в. В.В.Кропоткин связывает также с началом массового поступления в Европу арабских дирхемов. Но это явление скорее всего объясняется политико-экономической ситуацией как внутри империи, так и в Восточной Европе. Падение экономической активности Византии после Константина II (официально Константин III, убит в 668 г.) обуславливалось опустошительными походами варваров (славяне, болгары), арабо-византийскими войнами, дворцовыми смутами, характерными для внутреннего положения империи фактически до восшествия на престол первого из Исавров – Льва III (717–741). Упрочение центральной власти, победа в Малой Азии над Масламой, некоторое оживление экономической жизни, наметившееся к середине – второй половине VIII в., не принесли общественно-экономической стабилизации из-за иконоборческой политики Льва и его сына Константина V (741–775), расколовшей население империи на два враждующих лагеря.

С другой стороны, возникшее около середины VII в. в степях между Каспийским и Азовским морями Хазарское государство к началу VIII в. прочно обосновалось в Причерноморье вплоть до Крыма. Но власть хазар над Херсоном оказалась недолгой. В 710 г. Юстиниан взял Херсон и пленил хазарского наместника вместе с его окружением, из которого семь человек было "поджарено" на вертелах. Действия Юстиниана вызвали возмущение по всему полуострову, что привело к провозглашению, не без участия каганата, императором опального армянина Вардана, воцарившегося под именем Филиппик (711–713)²⁸. Последствиями этих перемен стал долговременный хазаро-византийский союз. По замыслу константинопольских политиков, Хазария должна была стать заслоном империи на северо-восточных ее рубежах. Для упрочения союза с Хазарией Византии пришлось уступить Северное

Причерноморье, оставив за собой лишь южную оконечность Крыма, где в 834 г. была организована Херсонская фема. Тем самым Хазария заняла монопольное положение во взаимоотношениях Византийской империи с Восточной Европой. Изоляции глубинных районов этой части Европы способствовала и прекратившаяся к VIII в. массовая миграция славян на Балканы.

После поражения хазар в 737 г., нанесенного войсками Марвана, и подписания арабо-хазарского мира каганат был также вовлечен в орбиту арабских связей. Теперь Халифат, наравне с Империей мог получать меха, рабов и другие товары, проходившие транзитом через Хазарию из глубины восточнославянского мира. В обмен к хазарам и далее на север с середины VIII в. стали поступать изделия ремесленных центров Халифата и, конечно, дирхемы.

Происходящие на юге события не могли не влиять на ход исторического процесса на территории восточнославянского заселения. Арабо-византийские войны, в которые были втянуты и хазары, повлекли за собой откочевку населения каганата на север, где по верховьям Северского Донца и Дона на протяжении первых трех десятилетий VIII в. формировалась новая граница Хазарии. Это дало возможность каганату после окончания войны с арабами начать расширение своих владений за счет восточнославянских княжений. Вероятно, в середине VIII в. устанавливаются даннические отношения между полянской Русью и Хазарией. Включению полян в сферу хазарского сближения, возможно, способствовала происходившая в то время война между полянами — русью и соседними с ними союзами племен, в первую очередь древлянами. Во всяком случае некоторые исследователи ставят в прямую зависимость друг от друга данные события²⁹.

Взимание дани с полян, однако, не означало полного подчинения Руси хазарам. Между обоими государственными объединениями поддерживались и активные экономические контакты. Об этом свидетельствуют распространение в Среднем Поднепровье с середины VIII в. дирхема и наличие в торговой части Киева топонима "Козаре", возможно, связанного с "представительством" каганата в полянской столице. Полянский вассалитет по отношению к Хазарии не особо влиял и на внешнеполитические акции молодой Руси. В начале 30-х годов IX в. (дата по А.Н.Сахарову) Русь без помощи и ведома каганата совершила морской поход на Малоазийское побережье Византии, пробив тем самым созданный Хазарией изоляционный кордон во взаимоотношениях с империей³⁰. Вполне вероятно, именно с этими событиями связана находка фоллиса Льва V.

Следующий шаг, предпринятый Русью для налаживания самостоятельных контактов с Империей, был осуществлен вскоре после амастридского похода, Речь идет о посольстве к императору Феофилу, известном по Бертинским анналам епископа Пруденция. Этому сообщению посвящена обширнейшая литература в русле антинорманистской

и норманистской концепцией истории Древнерусского государства. Однако сегодня наука располагает всеми данными для локализации страны "народа Рус" в Среднем Поднепровье. Относительно же этнической принадлежности послов, то они действительно были шведами и состояли на службе у правящей русско-полянской династии³¹. Данное свидетельство определенным образом проливает свет и на перемены, произошедшие в области хазаро-русских взаимоотношений ко времени появления послов Руси при дворах Феофила и Людовика Благочестивого. Большинство исследователей признает, что принятие зафиксированной Пруденцием хазарской титулатуры верховным правителем Руси могло означать лишь освобождение к этому времени Среднего Поднепровья от дани каганату³².

Окончательно изоляция Руси от Византии была снята широко известным походом флота русов на Константинополь в июне 860 г. и последующей за ним серией русско-византийских договоров последней трети IX в. Оставляя в стороне обширнейшую историографию русско-византийских отношений 60-х годов IX в., в частности вопрос о переговорах императора Василия I Македонянина с аскольдовой Русью и ее последующей христианизации, отметим, что именно с чеканкой этого императора (867–886) связан наиболее интенсивный приток византийских монет в Среднее Поднепровье – 37 монет из выделенных 39 второго хронологического блока (37 лет).

Интенсивное поступление византийской монеты на Среднее Поднепровье наблюдается вплоть до 40-х годов XII в. После этого прослеживается определенный спад, особенно заметный в период от Никифора III Вотаниата до Мануила I – 1073–1180 гг., когда за 102 года регистрируется всего 15 монет. Однако со вступлением на престол Андроника I Комнина вновь наблюдается заметное, хотя и непродолжительное оживление в их притоке. Прекращение притока византийской чеканки в Киев и его периферию наступает с начала XIII в. Имперский чекан после Алексея III Ангела (1145–1203) здесь практически отсутствует.

В каждом из выделенных хронологических периодов существует доминирующая группа монет, свидетельствующая о возрастании активности древнерусско-византийских связей. О периоде 867–904 гг. говорилось выше. В 914–969 гг. преобладает чекан Константина VII Порфирородного с различными соправителями (913–959) – 21 монета из 23, репрезентирующих указанные 56 лет. Это явление также увязывается с актами дипломатической истории Руси: заключение между Игорем и Романом I Лакапином в 944 г. дружеского договора; посольства в 957 г. Ольги ко двору Константина VII и ее крещение.

В последующие 65 лет (969–1034) выделяются монеты, чеканенные в годы правления Иоанна Цимисхия (969–976) и Василия II (976–1025) – 23 экз. К ним можно добавить 7 экз. анонимных фоллисов 971–1034 гг., приток которых в Среднее Поднепровье более вероятен в период названных властителей империи, чем при Романе III Агрире

(1028—1034), который ввел новый штемпель анонимных монет, просуществовавший до 1041 г.³³

Поступление чекана Иоанна Цимисхия хорошо увязывается с балканской политикой Святослава и заключением договора 971 г., положившего конец русско-болгаро-византийским войнам 967—971 гг. В свою очередь, монеты Василия II связываются с событиями 988—989 гг.: Корсунский поход Владимира Святославича, его крещение и брак с сестрой императора, поддержка Василия шеститысячным корпусом русской дружины в его борьбе с мятежным Вардой Фокой. Прочный политический союз с Византией был закреплен, вероятно, в последний год жизни Владимира постоянным представительством Руси на территории империи в виде монастырской обители на Афонском п-ове (Ксилурги). Ровные отношения Руси с империей, начало которым положили названные события, поддерживались до 1043 г. — до похода флота Руси на Константинополь.

В поступлениях 1042—1071 гг. выделяется компактный массив монет, чеканенных между 1050—1071 гг. — 15 экз. Несмотря на обострения в политических взаимоотношениях после 1043 г., русско-византийские экономические связи, как видно из данных нумизматики, развивались стабильно. В этом смысле не случайна угроза киевского веча 1069 г. по случаю бегства из Киева Всеслава Полоцкого: "...зажегше град свой, ступим в Грческу землю". К тому же наемные русско-варяжские дружины участвовали в войнах Византии против турок-сельджуков (10⁵⁷, 1071) и норманнов при Отранто (1064).

В последующем периоде (1078—1180) заметно наличие монет чеканки Комнинов (1081—1180) — 9 экз. При этом доминирует чеканка Алексея I Комнина (1081—1118) — 6 экз. Это можно объяснить относительно прочным союзом между Всеволодом Ярославичем (1078—1093), Святополком Изяславичем (1093—1113) и Алексеем Комниным³⁴.

Заключительная фаза притока византийских монет в Киевскую землю ознаменована тесными контактами между династией Ангелов и южнорусскими княжествами (Чернигов, Киев, Владимир, Галич)³⁵. В этом, возможно, кроется причина того, что чеканка 1183—1203 гг. представлена почти таким же количеством, что и монеты, поступившие в Киев за 402 предыдущих года — 10 против 15.

При сравнении найденных в Среднем Поднепровье византийских монет X—XII вв. с соответствующими находками остальной территории Восточной Европы обнаруживается неравномерность внедрения этих монет в обращение того или иного региона. Монеты заключительной фазы второго периода обращения найдены в Черниговской (номисма 921—944), милиарисий и номисма — 945—959 гг.); Смоленской (номисма 912—913, фоллисы 919—921 — 2 экз., милиарисий 945—959 гг.); на Северо-Востоке (милиарисии 945 — 2 экз. и 945—959 гг.) и Северо-Западе Руси (2 милиарисия и фоллис 921—934 и 3 милиари-

сия 963–969 гг.); в Полоцке (фоллис 919–944 гг.) и Турово-Пинской земле (Заужелье Речицкого района – милиарисий 945–959 гг. вместе с дирхемом середины X в. из курганного погребения); в Юго-Восточной Прибалтике (фоллис 963–969 гг. – Даукшайчяй, Клайпедский район Литвы); а также в Эстонии и Латгалии (милиарисии 945 г. – 2 экз., 945–959 гг. – 5 экз., 963–969 – 4 экз.). Находки византийских монет этого времени отсутствуют на Волыни, Прикарпатье, в Переяславской земле.

С начала третьего периода обращения распространение византийской монеты охватывает все земли Руси и Прибалтики. Из Переяславской известны 3 милиарисия 969–976 гг.; 2 номисмы и милиарисий 976–1025 гг. Монеты 969–976 гг. встречаются среди находок в Понеманье (милиарисий в составе клада X в. восточных и западноевропейских монет – Новый Двор Минского района); в Северо-Восточной Руси (7 милиарисиев, 1 фоллис) и в Северо-Западной Руси (9 милиарисиев, 1 фоллис); в Юго-Восточной Прибалтике (фоллис, Нитаурес-Тивиниены, ливы Погауйя, погребение), в Латгале и Эстонии (5 милиарисиев).

Чеканка Василия II и Константина VIII (976–1025) встречается на всей очерченной территории: юг Полоцкой земли – 2 милиарисия в составе клада середины XI в. вместе с западноевропейскими, восточными, древнерусскими монетами и слитками серебра; Поречье, верховья р. Березины; Галицкая Русь – 1 милиарисий; Черниговская земля – 2 номисмы, 1 милиарисий; Северо-Восточная Русь – 3 милиарисия и Северо-Западная Русь – 27 милиарисиев; Юго-Восточная Прибалтика (Даугмале – 1 милиарисий; Цесис – 2 милиарисия, погребение вместе с двумя денариями Этельреда II; Талсы – 1 фоллис); Эстония и Латгале – 137 милиарисиев, из которых 120 экз. происходят из клада середины XI в. Вылла, древний мааконд Ляэнемаа.

В последующем периоде наблюдается сокращение территории распространения византийской монеты. Они найдены в Переяславской земле (субэратная номисма, фоллис 1059–1067 гг., 8 анонимных фоллисов X–XI вв.) и на Волыни (Зеленче, 3 анонимных фоллиса X–XI вв.). Фоллис Романа IV (1067–1070) найден в Любече, а на северо-западе Псковской земли – односторонний милиарисий этого же императора. В 1804 г. в Пинске обнаружен клад золотых монет, в состав которого входили 14 номисм Романа IV с соправителями, а также 6 златников Владимира Святославича. В Юго-Восточной Прибалтике выявлены фоллисы 1034–1041 гг. (Яунсвирлаукас-Видуги, Земгале), 1055–1056 (Яунсвирлаукас-Банданы, Земгале), 1067–1070 гг. (Муромское, Самбия, погребение). Византийские монеты этого времени не зарегистрированы в Северо-Восточной Руси, а Смоленская земля вместе с Северо-Восточной Прибалтикой выпадают из круга обращения этих монет после времени Василия II.

Период 1078–1180 гг. представлен находками в Понеманье (Волковск, фоллис 1118–1143 гг.), в Посеймье (клад из 5 номисм 1118–

1180 гг.); в Рязани (2 фоллиса 1081–1118 гг.; 6 фоллисов 1118–1143 гг. в составе клада с гривнами "киевского типа"; здесь найдены еще 12 фоллисов 1118–1143 гг. – раскопки Спасского храма); в Юго-Восточной Прибалтике (фоллис 1143–1180 гг. – берег р.Рауны). Единственная византийская монета этого времени (фоллис 1118–1143 гг.) в Северо-Западной Руси найдена на территории псковского Святогорского монастыря. Конец XII – начало XIII в. представлен сцифатным фоллисом Алексея III Ангела (1195–1203), найденным в Рязани.

Приведенный материал обнаруживает соответствие в хронологии и регалиях византийских монет второго и третьего периодов их обращения в Восточной Европе, происходящих из Киевской, Черниговской, юга Полещкой Турово-Пинской земель Руси и Юго-Восточной Прибалтики. Еще более четко близость анализируемой составной монетной системы Среднего Поднепровья, Днепро-Неманского водораздела и Юго-Восточной Прибалтики прослеживается при сравнении качественных характеристик чеканки. Основную массу обнаруженных в Среднем Поднепровье византийских монет IX–XIII вв. составляют бронзовые фольесы (74 %) и золотые номисмы (23 %). Миллиарисии представлены тремя экземплярами.

Практически аналогичная ситуация складывается в названных регионах современной Белоруссии и Прибалтики. Количество серебряной монеты империи возрастает в северных землях Руси. В Эстонии и Латгалии миллиарисии составляют абсолютное большинство – 168 экз. (99 %). Причем 123 экз. обнаружены в Выльском кладе, наиболее выдающемся собрании миллиарисиев на всей территории Восточной Европы. Клад по количеству византийского монетного серебра в 20,5 раза превышает привычную для Северной Руси и Северо-Восточной Прибалтики норму встречающегося имперского чекана в кладах X–XI вв.

Обращает на себя внимание, что фоллисы, обнаруженные в Северной Руси, происходят в основном из крупных городских центров, поддерживающих активные контакты с Киевом: Рязань – 21 экз. (практически вся масса бронзовых монет империи, найденных в Северо-Восточной Руси, единственный анонимный фоллис вне пределов Рязани обнаружен в ее округе – Шумошь); Псков – 3 экз.; Новгород – 2 экз.; Полоцк – 1 экз. Данное обстоятельство наталкивает на мысль о поступлении фоллиса на север Руси в результате киево-северорусского торгового обмена. Это подтверждается и тем, что все семь из рязанских фоллисов находились в одном комплексе с денежными гривнами "киевского типа", а 12 других найдены при исследованиях рязанского кафедрального собора, административно и экономически подвластного киевской митрополии.

Таким образом, в Восточной Европе выделяются две зоны обращения византийской монеты второй половины IX – начала XIII вв.: южная, куда входила и Юго-Восточная Прибалтика, с преобладанием бронзовых и золотых монет, и северная, в обращении которой нахо-

дился главным образом милиарисий. Южная и северная зоны существенно отличались и по обстоятельствам находок византийских монет. В Среднем Поднепровье и связанной с ним зоне контактов встречались единичные монеты или из кладов, состоящих только из византийского чекана, или сопровождавших их слитков драгоценных металлов и ювелирных изделий. Другая ситуация наблюдается в Северной Руси и Северо-Восточной Прибалтике: из 263 византийских монет 206 происходило из 27 кладов и погребений, содержащих восточное и западноевропейское монетное серебро.

Различия в качественных характеристиках вместе с несовпадением условий находок византийских монет на севере и юге свидетельствуют о различных путях их поступления в выделяемые зоны. "Чистота" южнорусских комплексов с монетами империи предполагает их приток в результате непосредственных контактов с Византией. О тесной связи южнорусских находок с монетным обращением на территории Византии свидетельствует и количественное соотношение номиналов. Сочетание золотых монет с большим количеством бронзовых при малочисленности серебряных характерно для внутривизантийского денежного хозяйства на всем протяжении средневековья³⁷.

О том, что византийские монеты проникали на север и юг Руси различными путями, писал еще В.В.Кроноткин. По его мнению, милиарисий попадал на север Восточной Европы вместе с западноевропейским денарием через Польшу, Скандинавию, Прибалтику¹⁸. Однако анализ состава кладов Северной Руси и Северо-Восточной Прибалтики показывает, что в большинстве из них преобладает восточная монета. Из указанных 27 кладов 6 содержали лишь дирхемы и милиарисии, в 9 преобладали дирхемы (от 56 до 98,5 %), в 6 количество дирхемов и милиарисиев составляло от 13 до 52 %. И лишь в 5 кладах процент восточной и византийской монет ниже 10. Один клад имел утраченные количественные характеристики.

Хронология этих кладов также свидетельствует об их связи с обращением здесь дирхема. Дата зарытия 18 кладов не выходила за пределы двух последних периодов обращения восточного серебра. Три клада имели дату тезоврации в рамках второй половины XI, а пять — первой половины XII в. Среди византийской чеканки вообще отсутствуют монеты позже 1025 г., что хронологически совпадает с заключительной фазой обращения на севере Восточной Европы дирхема и лишь самого начала проникновения сюда западноевропейского денария, которое определяется второй четвертью XI в.³⁹ Все это свидетельствует о поступлении милиарисия вместе с дирхемом и о его принадлежности к севернорусскому обращению, тупиковые точки которого находились в Северо-Восточной Прибалтике (клад из Выллы). Связь милиарисия с дирхемом и поступление его с востока по Даугаве как основном пути отмечает и Т.М.Берга⁴⁰.

Параллельное с восточными монетами обращение в Среднем Поднепровье византийских монет, а также возобновляющееся поступление

последних в период, когда дирхем уже выбыл из широкого применения, предполагает различные функции, выполняемые этими группами монеты ого металла. Исходя из преобладания дирхема в IX – второй трети X в. на всей территории действия среднеднепровской монетной системы арабскую серебряную монету следует признать основным средством обращения и, нерасчлененно, платежа. Не столь многочисленные находки византийских номисм, а также тот факт, что их находили вместе с драгоценным металлом, предполагают выполнение ими функции меры стоимости и накопления сокровищ. Об ориентации денежного хозяйства Киева конца X–XII вв. на золото как всеобщий эквивалент, свидетельствуют и некоторые статьи "Правды Руськой". К примеру, 22 статья Пространной редакции гласит: "Тако же въ всехъ тяжахъ: и в татьбе, и поклепе, оже не будетъ лица, гь тогда даті емоу железо из неволе до полугривны золота..."⁴¹

Значительное место в монетном обращении южного региона занимал и фоллис. Находки бронзовых монет империи в Южной, Западной Руси и Юго-Восточной Прибалтике более чем в 3 раза превышают количество этих номиналов на севере Восточной Европы. Представление о вспомогательной роли фоллиса обязано господствующему в нумизматике мнению, что бронзовая монета выпускалась исключительно для нужд внутримперского оборота. Однако бронзовый фоллис XI–XII вв. (стамина) согласно западным источникам являлся не разменной монетой византийского рынка, а международным номиналом, равным 1/120 парпераномисмы⁴². Следовательно, фоллис выступает полноценным средством платежа. О хождении наравне с серебром и об их взаиморазмене может свидетельствовать находка рязанского клада с восемью бронзовыми монетами империи и "киевскими гривнами".

Говоря о малочисленности находок византийских монет в сравнении с дирхемом, следует учитывать особенности товарно-денежных отношений в самой империи. Согласно предписаниям "Книги эпарха" обществу аргиропретов (ювелирам, торговцам золотом и другими драгоценностями) государство не допускало утечки драгоценных металлов за границу, регламентировало их расход на нужды производства⁴³.

Кроме этого, ограниченному вывозу монеты способствовала и характерная для Византии пассивность во внешнеэкономических операциях при активном торговом балансе. Это означало, что империя вела в основном посредническую торговлю, в которой купля-продажа уравновешивалась на территории самой Византии⁴⁴. Вывозились и ввозились главным образом товары, тогда как средства обмена оставались внутри страны. Отмеченная особенность внешней торговли Византии отразилась и в договорах "Руси с Греками" первой половины X в., в которых оговаривались условия ведения торговых сделок только для русских гостей и на территории самой империи, точнее, в ее столице.

Находки византийских монет в Среднем Поднепровье

Пункт	Номинал	Дата, император, чекан	Комплекс
Киев	Фоллис	498-515, Анастасий I	Единичная находка
"	"	То же	" "
Бучак, Каневский р-н	"	" "	" "
"	"	527-565, Юстиниан I	" "
Мельники	"	То же	" "
"	"	" "	" "
Фурсы	"	" "	" "
Киев	"	537, "	" "
Золотоноша	"	539-540, "	" "
"	"	582-602, Маврикий Тиверий	" "
Черепин	"	То же	" "
Жаботин	Солид	610-641, Ираклий	" "
Киев	Гексограмма	VII в., Ираклий или Константин II	" "
Григоровка	Фоллис	615-668, "	" "
Киев	"	717-797, Исавры	" "
Нежин	"	813-820, Лев V	" "
Тростянец	"	842-867, Михаил III	" "
Киев	Номисма		
"	субэратная	867-870, Василий I	Погребение № 122
"	Фоллис	867-868, "	Единичная находка
Обухов	"	" "	" "
Батурин	"	867-869, "	" "
Кременчуг	Фоллис	867-886, Василий II, Херсон	" "
Киев	"	867-868, "	28 экз., клад 1908 г.
"	"	867-870, Василий I, Константин, Херсон	2 экз., клад 1908 г.
"	"	886, Лев VI	Погребение 121
Нежин	"	886-904, Лев VI и Александр	Единичная находка
Киев	"	914-939, Константин VII и Зоя	" "
Городище	"	920-944, Роман I	" "
Пекари	"	" , Херсон	" "
Киев	Номисма	920-927, Роман I и Христофор	" "
Гладковичи	"	" "	1 экз., клад 1891 г.
Триполье	Фоллис	921-934, "	Единичная находка
Киев	"	" "	Слой 972-975 гг.
"	"	" , Херсон	5 экз., клад 1908 г.
"	Милиарсией	931-944, Роман I, Константин	2 экз., погр. 124
"	Фоллис	VII Стефан и Константин	Сруб 975 г.
"	"	29/I-6/IV - 945, Константин VII	
"	"	931-944, или 919-921	Погребение 94
"	"	29/I-6/IV-945, Константин VII	1 экз., клад 1939 г.
"	"	945-959, Константин VII, Роман II	Единичная находка
Гладковичи	Номисма	945-959, "	2 экз., клад 1891 г.
Киев	Фоллис	959-963, Роман II	1 экз., клад 1918 г.
"	"	963-969, Никифор II Фока	1 экз., "
"	Номисма	" "	1 экз., клад 1899 г.
Киев	Милиарсией	969-976, Иоанн Цимисхий	Единичная находка
"	Фоллис	971-976, "	1 экз., клад 1939 г.

Окончание таблицы

Пункт	Номинал	Дата, император, чекан	Комплекс
Киев	Фоллис	971—976, Иоанн Цимисхий	9 экз., клад 1888 г.
"	"	" " "	Единичная находка
"	"	" " "	" "
Каневский уезд	"	" " "	" "
Белгородка	Номисма	971—976, Иоанн Цимисхий	Единичная находка
Киев	"	976—1025, Василий II и Константин VIII	7 экз., клад 1899 г.
Гамарня	"	" " "	Единичная находка
Киев	"	1028—1034, Роман III	2 экз., клад 1899 г.
Белгородка	"	" " "	Единичная находка
Киев	Фоллис	971—1034, аноним	2 экз., клад 1939 г.
"	"	1028—1041 "	Единичная находка
"	"	1034—1066, "	" "
Вышгород	"	977—1056 "	" "
Выгуровщина	"	" " "	" "
Безродная	"	" " "	" "
Выползово	"	" " "	" "
Паволочь	"	" " "	" "
Киев	Номисма	1050—1054, Константин IX	1 экз., клад 1899 г.
"	Фоллис	1054—1056, Феодора	1 экз., клад 1939 г.
"	Номисма	" " "	Единичная находка
Вышгород	"	" " "	" "
Киев	Фоллис	1057—1059, Исаак I	1 экз., клад 1939 г.
"	"	" " "	Слой XI в.
"	Номисма	" " "	4 экз., клад 1899 г.
"	Фоллис	1059—1067, Константин X	1 экз., клад 1939 г.
"	"	" " "	Слой XI в.
Вышгород	"	" " "	Слой XI—XII вв.
Киев	Номисма	1067, Евдокия	Единичная находка
Вышгород	Фоллис	1068—1071, Роман IV	Слой XI—XII вв.
Княжая гора	Номисма	1078—1081, Никифор III	2 экз., клад 1887 г.
Киев	"	1081—1118, Алексей I	1 экз., клад 1889 г.
"	Фоллис	" " "	Слой XII в.
"	"	" " "	" "
"	"	977—1118, аноним	Единичная находка
"	"	" " "	" "
"	"	" " "	" "
"	Номисма	1118—1134, Иоанн II,	1 экз., клад 1889 г.
"	Фоллис	" " "	" "
"	сцифатный	1143—1180, Мануил I	2 экз., клад 1986 г.
Сахновка	Номисма	" " "	1 экз., клад 1900 г.
Киев	Фоллис	" " "	" "
"	сцифатный	1183—1185, Андроник I	2 экз., клад 1986 г.
"	То же	1185—1195, Исаак II	5 экз., клад 1986 г.
"	" "	" " "	Единичная находка
Сахновка	Номисма	XII в.	1 экз., клад 1900 г.
Яблуньовка	"	XII в.	Погребение
Киев	Фоллис	" " "	" "
"	сцифатный	1195—1203, Алексей III	1 экз., клад 1986 г.
Городище	То же	XII — начало XIII вв.	Слой XII — начала XIII вв.

Перечисленные особенности действия византийской монетной системы выводят еще на одну функцию имперского чекана в зоне южно-русского обращения. Нет ничего невероятного в том, что какая-то часть поступивших на Русь византийских монет, особенно номисмы, могла играть роль "резервных денег", необходимых для последующей купли на византийском торге или же для уплаты пошлин.

Малочисленность находок византийских монет разительна только на фоне дирхема. Если же сравнивать количественные показатели внутри данной составной, то окажется, что в зоне, где эти монеты распространялись в результате непосредственного торгового обмена с Византией, они не так уж и малочисленны. На этой территории, включающей Южнорусские земли, Понеманье, Припятско-Березинское Поднепровье и Юго-Восточную Прибалтику, их число превышает 220 экз. В Северной Руси обнаружено 98 экз. этих монет, в Северо-Восточной Прибалтике 170. Но следует учитывать, что основная масса северо-восточноевропейских находок не связана непосредственно с ведением русско-балто-византийского торга, а поступила сюда вместе с арабским дирхемом.

Приведенный материал свидетельствует о значительной роли византийских монет в деле становления денежного хозяйства Юго-Западной части Восточной Европы от Среднего Поднепровья до Юго-Восточной Прибалтики. С ними связано употребление здесь золота в качестве "валютного металла" и зарождение собственно русской чеканки по принятому в Византии весовому стандарту номисмы.

- ¹ Tallgren A.M. Zur Archäologie Eestis. — Dorpat, 1925. — Bd.II. — S.149, 151—152; Михалевский Ф.И. Очерки истории денег и денежного обращения. — Л., 1949. — Т.1. — С.220; Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. — М., 1956. — С.58; Каргер М.К. Древний Киев. — М.; Л., 1958. — Т.1. — С.126; Tõnisson E. Eeslizardeleidud. — 913 S. — Muistsedkalmed ja aarded. — Tallinn, 1962. — Lk.228; Музуревич Э.С. Восточная Лавгия и соседние земли в X—XIII вв. — Рига, 1965. — С.29; Котляр М.Ф. Грошовый обіг на території України доби феодалізму. — К., 1971. — С.36; Dukša Z. Pinigai ir jų apyvarta // Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII a. — Vilnius, 1981. — Т.2. — Р.98.
- ² Kiersnowski R. Pieniądz kruszowy w Polsce wczesnosredniowiecznej. — Warszawa, 1960. — Р.137—138.
- ³ Спасский И.Г. Русская монетная система. — Л., 1970. — С.47.
- ⁴ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. — 1962. — Вып.Е 4—4. — С.7—8.
- ⁵ Беляшевский Н.Ф. Монетные клады Киевской губернии. — Киев, 1889; Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии. — Киев, 1895. — С.31—32, 39; Петров Н.И. Историко-топографические очерки древнего Киева. — Киев, 1897. — С.33; Болсуновский К.В. Древнейшие гирьки, найденные в Киеве, и отношения их к различным весовым системам. — Киев, 1899. — С.7—8; Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков // Тр. нумизмат. комиссии РАИМК. — 1921. — Вып.1. — № 90, 91, 113; Коршенико С.В. Клады і окремі монетні знахідки, зареєстровані Центральним історичним музеєм УРСР. — Рукопис у фондах державного історичного музею УРСР, 40-й рр. XX ст.; Каргер М.К. Указ. соч. — С.96, 124—125, 155, 198, 210, 303; Кропоткин В.В. Указ. соч.; Ивакин Г.Ю. Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. — Киев, 1981. — С.414—418.

- 6 Каргер М.К. Указ. соч. — С.320–327, 387.
- 7 Брайчевський М.Ю. Коли і як виник Київ. — К., 1963. — С.73–74; Толочко П.П. Исторична топографія стародавнього Києва. — К., 1972. — С.42–55; Толочко П.П. Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. — С.43–62.
- 8 Кропоткин В.В. Указ. соч., № 31, 217.
- 9 Там же, № 6, 8, 13, 14, 17, 23, 27, 45–46, 84, 102, 145, 205, 213, 214, 217, 219-а, 435, 436, 450.
- 10 Кропоткин В.В. Указ. соч. — С.10.
- 11 Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я. — К., 1980. — С.92–102.
- 12 Смиленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї — К., 1975. — С.155; Приходнюк О.М. Указ. соч. — С.91.
- 13 Прокопий из Кесарии. Война с готами. — М., 1950. — С.244–246.
- 14 Vollin S. Die Funde römischer und bizantischer Münzen in Ostpreussen. — Prussia. — 1926. — 26. — S.209, 221, 222, 224, 235; Кропоткин В.В. Указ. соч. — № 81, 147, 254, 261, 299, 308, 313.
- 15 Поршнев Ф.Б. Феодализм и народные массы. — М., 1964. — С.125.
- 16 Петров Н.И. Указ. соч. — С.33.
- 17 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 1962. — С.322.
- 18 Кондураки Э. О натуральном и денежном обмене в IV–V вв. // ВВ. — 1958. — № 14. — С.36.
- 19 Каргер М.К. Указ. соч. — С.155, 226.
- 20 Сагайдак М.А. Дендрохронология древнего Киева // Новое в археологии Киева. — С.449; Гуцало К.Н. Попол в древнем Києве. — Киев, 1982. — С.24–25.
- 21 Каргер М.К. Указ. соч. — С.205–206. — Табл. XXVI, 2.
- 22 Там же. — С.198, 225.
- 23 Там же.
- 24 Сагайдак М.А. Указ. соч. — С.449; Гуцало К.Н. Указ. соч. — С.24.
- 25 Иакин Г.Ю. Указ. соч. — С.418.
- 26 Кропоткин В.В. Указ. соч. — С. 11.
- 27 Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. — Киев, 1977. — С.102–104, 113; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л., 1983. — С.30–33.
- 28 Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. — М., 1980. — С.163–166.
- 29 Пашуто В.Т. Внешняя политика древней Руси. — М., 1968. — С.91.
- 30 Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси. — М., 1980. — С.30–36.
- 31 Сахаров А.Н. Указ. соч. — С.37–42; Шапольский И.П. Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники, 1980. — М., 1981. — С.44–49, 51–54.
- 32 Артамонов М.И. История хазар. — Л., 1962. — С.297, 304, 366; Пашуто В.Т. Указ. соч. — С.58. Сахаров А.Н. Указ. соч. — С.36.
- 33 Morrison C. Catalogue des monnaies byzantines. — Paris, 1970. — Т.2. — P.99.
- 34 Пашуто В.Т. Указ. соч. — С.84–88.
- 35 Там же. — С.198–201.
- 36 Костромичева Т.И. Незнайденные золотые монеты из Херсонеса. — Социальное развитие Византии. — Свердловск, 1979. — С.129.
- 37 Там же.
- 38 Кропоткин В.В. Указ. соч. — С.17.
- 39 Янин В.Л. Указ. соч. — С.152–153; Шотин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. — Л., 1970. — С.45.
- 40 Берга Т.М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. — Рига, 1988. — С.43–44.
- 41 Правда Русская. — М.; Л., 1950. — Т.1. — С.124.
- 42 Бибииков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного

Причерноморья и Северного Кавказа // Древнейшие государства на территории СССР, 1980. — М., 1981. — С.93.

⁴³ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. — М., 1977. — С.134.

⁴⁴ *Михалевский Ф.И.* Указ. соч. — С.219—220.